

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Этнография, этнология, антропология

УДК 316.3(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-192-204

**ТРАДИЦИОННЫЙ СТАТУС МОЛОДЕЖИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И
ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И КУЛЬТУРНО-
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ****Е.А. НАЛЬЧИКОВА
Х.В. МАШУКОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru, khiz.87@mail.ru*

Аннотация. Цель настоящей статьи – не простая фиксация феномена множественных трансформаций молодежных ролей и статусов последних двух столетий, а понимание их неизбежности и объяснение специфики проявлений ментально-исторического опыта в современных условиях. Анализ различных точек зрения на молодежь, как социально-демографическую группу, позволили рассмотреть объект (региональную молодежь) с различных сторон. Гендерная методология, использованная при изложении темы, выявила дифференцированные поведенческие предписания и установки для молодежи в традиционном и современном обществе. Хронологический подход позволил скрупулезно рассмотреть изменения в исторической ретроспективе. Широкое использование статистических данных, материалов полевых исследований и результатов авторских социологических опросов определили практическую ценность исследования. Советское время и постсоветский период в КБР рассмотрены как время коренных перемен, повлекшее за собой изменения всех сфер молодежной повседневности, включая религиозную, брачно-семейную, обрядово-ритуальную и др. Поскольку на современном этапе ключевым фактором среди идеологических становится религиозный, то при анализе современного положения молодежи в КБР основной акцент сделан на «исламское возрождение» и его культурно-преобразующую роль.

Ключевые слова: молодежь; Кабардино-Балкария; исламское возрождение; половозрастная дифференциация; трансформации молодежных статусов.

**TRADITIONAL STANDING OF YOUTH IN KABARDINO-BALKARIA AND
ITS TRANSFORMATIONS: SOCIAL FOUNDATIONS AND CULTURAL
AND IDEOLOGICAL FACTORS**

**E.A. NALCHIKOVA
Kh.V. MASHUKOV**

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173

E-mail: elenalchik@yandex.ru, khiz.87@mail.ru

Abstract. The focus of the paper is far beyond committing various transformations of youth roles and statuses over the last two centuries on paper; on the contrary, it demonstrates robust comprehension of their inevitability and provides an explanation for specific circumstances, in which mental and historic experience occur and reorientate. Having analysed various viewpoints on regional youth as a social and demographic group, authors scrutinized it from a variety of perspectives. The research is based on gender methodology, which illuminated difference behavioural patterns and attitudes for youth in both traditional and modern societies. Chronological approach shed the light on metamorphoses within a historical context. Extensive use of statistics, empirical data, and sociological surveys shape the practical utility of the study. The Soviet and post-Soviet periods in Kabardino-Balkaria witnessed a major transformation in youth daily routines, including religion, family life, etc. Provided that religious factor has taken a key role at the stage, analysis of contemporary youth status in KBR accentuates “Islamic resurrection” and its cultural reassertion.

Keywords: youth; Kabardino-Balkaria; Islamic resurrection; age-sex composition; transformation of youth standing.

Российская культурная антропология, объектом исследования которой являются этнокультурные особенности многочисленных народов РФ, все чаще обращается к субкультурам различных возрастных страт каждой из уникальных отечественных культур, во всех формах проявления на протяжении всей истории их существования. Специфика молодежной субкультуры КБР наиболее выпукло проявляется при рассмотрении ее в контексте современной религиозной ситуации в республике. Понятно, что одной из причин этого является поликонфессиональный состав населения со значительным преобладающим количеством верующих мусульман. Именно региональная молодежь не просто максимально вовлечена в этноконфессиональные процессы, она является активным пропагандистом, проводником новой идеологии, посредником и учителем не только «младших», но, вопреки традиции, представителей других возрастных страт, в частности, старшего поколения «отцов». Для понимания принципиального характера подобных трансформаций и необходимо обращение к традиции.

Считается, что «в традиционных обществах не существует молодежи как особой социальной группы. Подростки как мужского, так и женского пола, пройдя ритуал инициации в довольно раннем (в свете современных представлений) возрасте, сразу становятся равными по статусу другим взрослым своего пола. Постиндустриальное общество, в этом смысле, организовано совершенно иначе: молодой человек в течение значительного времени, будучи формально равноправным членом общества, далеко не сразу становится таковым реально» [Шафигуллина 2009].

В традиционный период на Северном Кавказе достижение молодежью «взрослого» статуса было сопряжено с рядом этапных испытаний. Процедура приравнивания молодежи к старшей возрастной группе в условиях патриархального быта была протяженной по времени, а понятие «молодежь» могло относиться и к людям более зрелого возраста. Конкретные возрастные рамки молодежи не были четко определены, но имели гендерную специфику – девушка, не вышедшая замуж, после 25 лет могла не включаться в эту категорию, в отличие от мужчины, не создавшего семьи, который в 40-45 лет воспринимался обществом молодым [Текуева 2006]. Таким образом, возрастные статусы определялись не столько количеством лет, сколько семейным положением.

Неопределенность, некая многозначность или, вернее, семантическая размытость понятия молодежь, нечеткие границы указанной возрастной группы, создают ряд трудностей при изучении специфики ее положения в традиционном обществе. В адыгском обществе возраст, по обыкновению, определялся приблизительно, и за точку отчета бралось какое-либо важное событие в жизни страны, малой родины, аула, рода, семьи.

Особенности положения черкесской молодежи отмечены в документальных свидетельствах XIII-XIX вв.: «Слепое подчинение родителям и глубокое уважение к старшим по возрасту соблюдается у этих народов самым скрупулезным образом. Сын не имеет права сесть в присутствии своего отца, то же самое не может себе позволить младший брат в присутствии старшего; они не могут разговаривать со старшими в присутствии постороннего. Точно так же молодые люди, находящиеся в компании людей более зрелого возраста, не осмеливаются ни громко говорить, ни смеяться; они обязаны почтительно отвечать на адресованные им вопросы. Обычай требует, чтобы все вставали при появлении мужчины или женщины старшего возраста, будь они даже ниже по своему положению. Сесть можно лишь тогда, когда лицо, ради которого все встали, даст на то разрешение словом «тизе», т.е. «садись». Здесь никогда не пренебрегают этим правилом и даже в семье остаются ревностными хранителями этого неудобного обычая» [Бларамберг 1974: 379].

Практически во всех дошедших до нас письменных источниках, мемуарах, нарративах подчеркивался «подчиненный», «второстепенный» статус молодых относительно старших. Эта особенность была заметна во всех значимых сферах общественной и семейной жизни: культовой (религиозной); ритуальной (участие в погребении); праздничной (танцы и застолья); брачно-семейной (ухаживания и брак); а также в бытовании традиционных институтов (гостеприимство, куначество, аталычество, наездничество).

В религиозной жизни, например, возрастная «дискриминация» в языческое и христианское время проявлялась в том, что молодые не имели права заходить в места для молений: они «не входят в храм до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя, как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви, по прошествии же этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое *в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не*

слезая с коня» [Интерриано 1974: 47]. Об участии девушек и женщин в богослужениях речь вообще не шла, они заведомо исключались из публичной религиозной жизни.

В дореволюционных источниках проступает также сословно-дифференцированный характер традиционного отношения к молодежи в адыгском социуме. Для привилегированной молодежи основной «работой» помимо войны была охота, навыки которой прививались в рамках традиционного института аталычества: «Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, его отдают на попечение одному из слуг, и тот ежедневно его возит с собою на коне с маленьким луком в руках, и как завидит курицу или [другую] птицу, а не то свинью или другое животное, то учит его стрелять, а затем, когда он станет побольше, он и сам охотится за этою живностью в своих же собственных владениях» [Интерриано 1974: 48]. О позитивных и негативных последствия внедомашнего воспитания свидетельствуют источники: «Воспитание княжеских детей у этого [адыгского] народа направлено к тому, чтобы уничтожить всякое родственное чувство, начиная с раннего возраста. С детства их поручают попечению знатного, часто даже богатого, который служит им воспитателем. Родители, особенно отец, не видят своего сына до тех пор, пока он не в состоянии носить оружие, а своих дочерей до замужества. Воспитатель должен обо всем заботиться; он обучает мальчиков с малых лет всем хитростям разбойничьих банд и всем приемам, которые эти наездники ценят. Он вооружает молодого человека, когда тот достаточно силен, чтобы носить оружие, и тогда представляет его отцу; ученик вознаграждает своего воспитателя, отдавая ему большую часть награбленной добычи» [Паллас 1974: 222].

Результаты аталыческого воспитания наблюдал Дж. Белл: «По принятому обычаю в этой семье живут на полном содержании два мальчика – ради их хорошего воспитания. Один из них – сын дворянина, прибыл вчера, а другой, приблизительно девяти лет, возвращается вскоре домой, закончив, очевидно, свое образование: он *скромен и услужлив, прекрасный наездник* и, как говорят, *один из лучших стрелков в долине*» [Белл 1974: 163]. Таким образом, в родительский дом возвращался физически подготовленный к жизни в военизированном обществе и воспитанный юноша, но часто это происходило в ущерб теплых родственных чувств к родителям и кровной родне.

В восприятии сторонних наблюдателей традиционный дворянский институт наездничества, игравший значительную роль в военно-физическом воспитании молодежи, также выглядел крайне негативным: «Молодые люди имеют один очень дурной обычай, а именно с наступлением весны и подножного корма, молодые мирзы и дворяне образуют общества в 50-100 человек и выступают в поле для пастьбы своих табунов... Они веселятся, пьют, едят и посылают в другие округа отряды человек в десять отборных наездников. Эти последние подкрадываются к селениям, прячутся в кустарниках, а вечером, когда дети отправляются по воду, набрасываются на них, выбирают двух-трех самых красивых девочек и мальчиков и мчатся с ними обратно в свой округ. Если родителям удастся нагнать хищников до перехода

их через границу округа, то похищенные дети возвращаются без всякого сопротивления. Таков их обычай. Захваченные обращаются в рабство и продаются» [Главани 1974: 163]. Но отношение к институту наездничества северокавказскими народами было прямо противоположным: он позволял совершенствовать военно-физическую подготовку и демонстрировать ее высокие результаты окружающим.

Таким образом, привилегий, избавлявших от жизненных трудностей, у знатной молодежи практически не было, тяжелый физический труд крестьян заменялся серьезными физическими нагрузками у молодых дворян и князей, и часто жизненный путь завершался ранней гибелью в бою далеко от дома. В противном случае – смерть молодого человека показательно воспринималась как незначительное событие, а смерть «девочек и женщин», вообще, находилась на последнем месте в своеобразной иерархии смерти, зафиксированной Дж. Беллом [Белл 1974: 489].

Отдельного упоминания в русле изучения ролей и статусов молодежи в традиционном обществе заслуживает сфера добрачных (встречи, ухаживания) и брачных отношений [Пушкарева, Текуева 2013], от заключения брака, обычаев избегания до первых лет жизни молодой семьи: «Молодые люди обоих полов вольны встречаться и принимать участие в забавах; женщины не застенчивы, не скромны; при сватовстве черкесы придают большое значение званию... Когда сын или дочь женится, они не осмеливаются являться первый год перед своим отцом или матерью до рождения ребенка. Муж посещает свою молодую жену долгое время только тайком, влезая в окно ее комнаты. Он никогда не присутствует, когда она принимает гостей; он не любит, когда ему говорят о ней и о детях и считается даже оскорбительным, когда у него спрашивают о здоровье жены» [Паллас 1974: 222]. Знакомство крестьянской молодежи происходило сходным образом: «Празднества длятся три дня: танцуют, едят и пьют, и молодые люди знакомятся с девушками селения, в результате чего возникают многие любовные истории, кончающиеся новыми свадьбами. Есть обычай во время свадьбы заводить круговой танец особого рода, в котором принимают участие и юноши и девушки» [Клапрот 1974: 248].

Заметные и категоричные ограничения, налагаемые в традиционный период на черкесскую молодежь, были связаны с застольным этикетом. Молодежь не участвовала в начале и кульминации праздничной трапезы, почетной обязанностью юношей было обслуживание старших. Когда речь шла о госте, чья персона носила для адыгов сакральный характер, то забота о нем за рамками застолья, ложилась на плечи молодежи: «Мальчики и девушки прислуживают гостю с открытым лицом и моют ему ноги, между тем как женщины заботятся о мытье его белья» [Лука 1974: 71]. Здесь отчетливо проступает гендерно-дифференцированный подход к молодежным ролям. Только мужчин, например, касалась следующая норма: в случае личного участия в застолье юноши не имели права пить спиртное, пока не примут участие в первом набеге. «На пирах не предлагают молодым людям пить до тех пор, пока последние не совершат какого-нибудь ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства» [Лука 1974: 72].

На торжественных мероприятиях, связанных с обрядами жизненного цикла, молодежь присоединялась к праздничной трапезе последней: «Он [тамада] берет из рук одного из старцев нож, который тот ему предлагает, отрезает себе кусок барана, съедает его стоя и выпивает из кубка полного бузой, подаваемого ему другим старцем, затем с низким поклоном возвращается на место. Весь народ поступает таким же образом, причем первыми идут самые старшие, *а дети дерутся за те кости, которые им остаются*» [Тавернье 1974: 77]. Очевидно, что в кругу молодежи за столом также соблюдалась определенная половозрастная дифференциация – «последними из последних» садились девушки и девочки. Бытописатели XVIII–XIX вв. отмечали, что черкешенки вообще мало едят, для того чтобы быть «более худыми, так как княгиня должна иметь всегда нежный, стройный стан» [Паллас 1974: 222].

На долю молодых в праздничной культуре оставалось участие в танцах, музыке, состязаниях: «Когда старцы, сидящие за столом, покончили с едой, они удаляются к себе, оставляя молодежь, мужчин и женщин, юношей и девушек продолжать веселье и танцы под звуки флейт» [Тавернье 1974: 78].

Молодежные коммуникативные площадки включали в себя не только свадьбы и праздники, но и участие в магических действиях по разным поводам, например, в обрядовых танцах в честь бога грозы Шибле: «когда гремит гром, все тотчас же выходят из селения и вся молодежь обоего пола начинает петь и танцевать в присутствии пожилых людей, сидящих вокруг» [Тавернье 1974: 78]. Или в особом обряде «чапша» около больных/раненых: «Молодые люди и дети развлекались самыми различными и самыми шумными играми, в то время как лекарь, сидевший с важным видом подле больного, лишь изредка произносил одно-два слова» [Мариньи 1974: 313]; «молодые люди и девушки играют, поют песни в честь раненого и развлекаются также тем, то стараются надкусить круглый пирог, подвешенный к потолку на веревочке» [Мариньи 1974: 313].

Таким образом, наблюдаемые в дореволюционный период «возрастные ограничения» позволяют рассматривать положение молодежи в традиционном адыгском обществе как подчиненное (родителям, старшим, религии), однако регулярно встречающиеся в этнографических описаниях характеристики вольного поведения юношей и девушек дают основание называть его относительно свободным (в рамках традиционных институтов: аталычества, наездничества, гостеприимства, добрачного ухаживания). Определенное значение в определении (уточнении) статуса молодежи имели сословный и гендерный факторы.

В советский период, время социалистической модернизации, породившей серьезные трансформации во всей стране и во всех сферах общественной жизни, ни один регион, ни одна социальная группа не остались в стороне. Наиболее заметными оказались перемены в положении молодежи. В первую очередь, они коснулись религиозной сферы. Ярко выраженная религиозность постепенно сменилась открыто проповедуемым атеизмом, и проследить изменения роли молодежи в религиозной сфере практически невозможно: речь

идет о полном отказе молодежи от участия в культовой действе (которое по-тихому все же совершалось людьми старшего возраста).

Существование в условиях СССР привело к постепенному уравниванию всех возрастных страт в процедурах похоронно-поминального цикла, и на современном этапе трансформации привели к полному переосмыслению отношения к гибели молодых, сопровождаемой максимальной аффектацией горя.

Сословный фактор в социалистический период также потерял всякую значимость, и даже возможности постсоветского «ренессанса» не вернули ему актуальности.

Праздничная обрядовая культура оказалась наименее подверженной трансформациям советского периода: застольный этикет, по-прежнему, диктовал молодым роль «прислуживающих» за столом (каб. *ихъэгъэрыт*). Но к концу XX века и эта норма постепенно смягчилась, хотя отдельное участие в праздничной трапезе частично сохранилось в настоящее время. А роль помощников за праздничным столом даже в условия внедомашнего проведения мероприятий (кафе, ресторан и т.п.), по-прежнему, часто исполняют молодые.

Кардинальные изменения в советское время претерпели традиционные роли и статусы девушек. Известно, что в первые послереволюционные годы девушек-нацменок для учебы в Ленинском учебном городке отбирали по жребию в связи с отсутствием желающих. Некоторые кандидатки оказывали сопротивление, пытаясь совершить самоубийство, их часто в связанном виде на телегах доставляли в Нальчик. Первые курсантки, отдавая дань традиции, пытались удлинить рукава и подол форменных платьев, поднять их ворот. Но в послевоенные годы ситуация в корне меняется: уже в 1960-ые годы мода на мини-юбку становится повсеместной, а в 1970-ые годы брюки завоевывают свое место в женском гардеробе. Статистика показывает растущий процент девушек с высшим образованием. В постсоветский же период диплом о высшем образовании занимает почетное место в женском «приданном».

Анализ долгосрочной динамики уровня образования населения Кабардино-Балкарии демонстрирует качественные изменения в местной молодежной среде. Если в 1920-х годах можно было говорить только об элементарной грамотности, а в 1939 году отметить 2,98% со средним и 0,1 % с высшим образованием, то с 1959 по 1989 г. число лиц со средним общим образованием увеличилось почти в 12, а с высшим – более чем в 24 раза. Произошел качественный сдвиг в общем социокультурном облике народов республики: если в среднем по РСФСР в 1989 г. на 1000 населения в возрасте 15 лет и старше приходилось 806 человек с высшим и средним образованием, то в Кабардино-Балкарии этот показатель составлял 817 человек [Боров, Бербекова 2019: 89-90].

Тенденции последующих изменений в этой сфере зафиксированы в переписи населения 2010 г. и пробной переписи 2018 г. Общие показатели уровня образования в республике по-прежнему несколько выше среднероссийских. Послевузовское, высшее, среднее и начальное профессиональное, среднее общее (полное и неполное) имеет почти 95 %

населения в возрасте 15 лет и старше. В возрастной категории 25-49 лет охват населения профессиональным образованием заметно выше [Боров, Бербекова 2019: 89-90].

Обращает на себя внимание один из показателей, зафиксированных пробной переписью 2018 г. В Эльбрусском муниципальном районе КБР 680 человек заявили в строке о профессиональном высшем образовании о получении степени магистра. Следует уточнить, что диплом магистра актуален только в молодежной среде не старше 35-ти лет, так как двухуровневая подготовка в российской высшей школе имеет недолгую историю. В отношении к общему числу населения Эльбрусского района старше 6 лет (31682 человека) это составило 2,15%, что значительно выше показателей 11 протестированных муниципальных образований РФ. К примеру, в Великом Новгороде этот показатель составил 0,009%. Выше показатели только по Санкт-Петербургу (муниципальный округ Княжево – 2,33%), и Москве (район Свиблово – 3,85%). Это подтверждает особую престижность получения образования среди молодежи КБР.

При этом следует отметить, что разрыв между городским и сельским населением по уровню высшего профессионального образования в КБР заметно меньше, чем по стране в целом. Статистические данные показывают более высокий образовательный уровень (послевузовское и высшее образование) сельского населения в КБР в возрасте 15 лет и старше по сравнению со среднероссийскими показателями: 19,3 % в КБР против 13,74 % по России. В возрастной категории 25-49 лет эти показатели еще выше: 22,36 % по послевузовскому и высшему и 35,1 % по среднему (среднему специальному) профессиональному образованию против 17,03 и 31,41 % по стране» [Боров, Бербекова 2019: 91]. Объясняется этот феномен, с одной стороны, особенностями урбанизации в республике – отсутствием резко выраженной пространственной и социально-культурной дистанции между городом и селом; с другой – они отражают более существенное значение для местного населения мотивов престижности в стремлении получить высшее образование [Боров, Бербекова 2019: 91].

Проблема изучения адаптации традиционных установок в отношении молодежи и процессов трансформации ее статуса требуют опоры на социально-демографические показатели. Анализ данных переписи 2010 года демонстрирует, что в Кабардино-Балкарии наблюдается выраженный процесс старения населения. Если на рождаемость и смертность еще могут оказать некоторое воздействие меры демографической политики, то возрастная структура населения практически не поддается такому воздействию, на ближайшие десятилетия она уже сложилась и существенно изменить ее невозможно. В связи с этим встают новые вопросы, ответы на которые могут определить направления социальной поддержки молодых.

Общие параметры демографической эволюции Кабардино-Балкарской Республики, отражающие итоги и пределы развития процессов модернизации на протяжении XX в. задают социально-демографический формат регионального развития на перспективу и соответственно связаны с

молодежными проблемами. Социально-культурная модернизация, определяемая также ростом уровня образования населения, сопровождалась демографическим переходом. Новейшее время для исследуемого региона характеризуется переходом от традиционного общества, для которого характерна высокая рождаемость и высокая смертность, к индустриальному, когда эти параметры заметно снижаются. Стагнация процесса урбанизации, проявления демодернизации социально-профессиональной структуры населения актуализировали значимость архаичных по происхождению факторов структурирования общества по линиям разграничения этнических групп [Боров, Бербекова 2019: 99-100] и, следует отдельно отметить, конфессиональных сообществ.

Остановимся особо на культурно-идеологическом факторе, влияющем на конструируемое современное кабардино-балкарское социума и место в нем молодежи. Речь идет об «исламском возрождении».

Современные глобализационные процессы, способствующие вхождению многочисленных этносов в единое мировое пространство, затронули и Кабардино-Балкарию. В постсоветский период можно выделить несколько стадий развития конфессиональных отношений (и связанных с ними трансформаций молодежных статусов) в Кабардино-Балкарии: 1) демократизация (в том числе, возрождение, религиозный ренессанс); 2) фундаментализм (в некоторых случаях, радикализм); 3) развитие конфессиональных отношений на принципах толерантности.

Для каждой из них характерна своя специфика молодежных ролей в кабардино-балкарском обществе. Уже на первой стадии постсоветского периода, когда появились возможности проявления своей приверженности религии, конфессии, сообществу верующих, и подобное стало приветствоваться и обществом, и государством, можно говорить не о возврате к дореволюционному прошлому, но о серьезных нововведениях. В частности, в республике управление религиозной сферой практически переходит в руки молодежи: по свидетельству наших информантов из числа молодежи – возрожденный ислам в свои семьи принесли они сами, они лучше знают мусульманские запреты, предписания, законы. Эйфория первых демократических проявлений породила настолько активное знакомство молодежи с основами ислама, что можно говорить о модных тенденциях исламизации в молодежной среде республики.

Современный антрополог М.А. Текуева, прослеживая историю изменений маскулинности у адыгских народов, писала о размыве ее внутренних «природных» основ. А попытки последнего времени наполнить ее новым содержанием вылились в итоге просто в частичную реанимацию внешней атрибутики. На настоящем этапе исторического развития происходит кардинальная переоценка системы нравственных приоритетов, когда ментально заложенные ценности вытесняются западными образцами. У части региональной молодежи противостояние указанным процессам выливается в подчеркнутое предпочтение мусульманских ценностей Востока с безоговорочным доминированием мужского начала. Очевидно, что Северный

Кавказ оказался в центре столкновения двух глобализационных процессов – «североамерикано-европейского и восточно-мусульманского, одинаково не характерных для аутентичного образа жизни и мышления» [Текуева 2007; Текуева 2012].

Широкое победное шествие религиозной идеологии, совпавшее с экономическими потрясениями, изменениями в национальной ментальности, кризисом школьного и семейного воспитания, – все это позволило на следующем этапе развития конфессиональных отношений заинтересованным лицам целенаправленно распространить среди некоторой части местной молодежи экстремистские настроения.

В настоящее время конфессиональный фактор молодежной субкультуры народов Кабардино-Балкарии переживает очередной этап в своем развитии, который связан с потребностью населения в вере, основанной на положительных внутренних чувствах мусульман. С этим связывается и отмечаемое нашими респондентами увеличение численности верующих. В целом же, религиозная ситуация в КБР в настоящее время оценивается как стабильная, что создает основу и для развития конфессионального аспекта молодежной субкультуры кабардино-балкарского общества. При этом отмечается разная степень вовлеченности молодежи в конфессиональные процессы.

Результаты авторских полевых изысканий, проведенных эмпирических исследований позволяют утверждать, что примерно половина носителей молодежной субкультуры кабардино-балкарского общества убеждена – в настоящее время еще возможны проявления религиозной нетерпимости (интолерантности) в их среде.

В числе основных форм проявления интолерантности молодые выделяют «негативные стереотипы», национализм, оскорбления, игнорирование, дискриминацию, «поиск врага», этноцентризм, ксенофобию и др. В числе основных причин формирования религиозной интолерантности, на взгляд региональной молодежи, можно назвать культуру (вернее, ее отсутствие) освещения этнической и конфессиональной ситуации в средствах массовой информации (в том числе, формирование в СМИ негативного стереотипа кавказца); некачественный контент соответствующих интернет-сайтов и т.п.

Таким образом, в статье проведен сравнительный анализ традиционных и современных молодежных статусов в регионе, выявлены их трансформации в ходе исторического развития. Это потребовало обращения как этнографическим, историческим, фольклорным источникам, так и к результатам полевых исследований и социологических опросов современности (в т.ч. авторских). В традиционном кабардинском и балкарском обществе принадлежность к определенной возрастной группе определялась не только жизненным стажем, но и семейным статусом. Само понятие «молодость» носило относительный и достаточно продолжительный характер. Бытописателями прошлого отмечалось «бесправное» положение молодежи, проявляющееся в поведении, демонстрировавшем почтительно-подчиненное отношение к старшим возрастным группам. Возрастная дискриминация

проявлялась во всех сферах общественной и семейной жизни: религиозной, брачно-семейной, обрядово-ритуальной. Молодежные статусы определялись традиционно сословным и гендерным факторами.

В советский период, принесший кардинальные перемены на Кавказ в целом, и Кабардино-Балкарию, в частности, происходит видимый отказ от религиозного наполнения общественной, семейной и личной жизни, отказ от традиционной сословной иерархии, отказ от значительной части мужских монопольных привилегий и революционное расширение прав молодых женщин, для которых был открыт доступ не просто к грамоте, но и образованию, карьере и профессиональной самореализации.

Постсоветское время порождает в Кабардино-Балкарии религиозный ренессанс, проходящий несколько стадий развития и связанных с ними трансформаций молодежных статусов – это демократизация, фундаментализм и развитие конфессиональных отношений на принципах толерантности. Максимальные изменения в свете возрождения религиозности коснулись молодежи, изменив ее повседневность, поведенческие практики и мировоззрение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Белл 1974 – *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 458-530.

Бларамберг 1974 – *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 353-434.

Боров, Бербекова 2019 – *Боров А.Х., Бербекова М.М.* Демографическая модернизация Кабардино-Балкарии: история и современные проблемы // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 72-104. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-72-104>

Главани 1974 – *Главани К.* Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 156-173.

Интерриано 1974 – *Интерриано Д.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 43-52.

Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 235-280.

Лука 1974 – *Лука Дж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 68-72.

Мариньи 1974 – *Мариньи Т.* Путешествие в Черкессию // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 291-321.

Паллас 1974 – *Паллас П.-С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях

европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 214-224.

Пушкарева, Текуева 2013 – *Пушкарева Н.Л., Текуева М.А.* Прошлое определяет настоящее. О шестой международной конференции РАИЖИ // Российская гендерная история с «Юга» на «Запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы VI международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – Нальчик: КБГУ, 2013. – С. 12-16.

Тавернье 1974 – *Тавернье Ж.Б.* Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет... // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 73-81.

Текуева 2006 – *Текуева М.А.* Ритуалы мужских инициаций в традиционной культуре адыгов // Культурная жизнь Юга России. – 2006. – № 2(16). – С. 21-24.

Текуева 2007 – *Текуева М.А.* Корпоративные мужские объединения на Кавказе сегодня: от экстремальности к экстремизму // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. – М.: Индрик, 2007. – С. 135-142.

Текуева 2012 – *Текуева М.А.* Мужской характер экстремизма (статья) // Мир и политика. – 2012. – № 8. – С. 52-59.

Шафигуллина 2009 – *Шафигуллина Ю.В.* Социокультурные особенности современного студенчества // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 9. – С. 149-154.

REFERENCES

BELL J. *Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837, 1838, 1839 gg.* [Notes of staying in Circassia in 1837, 1838, 1839]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 458-530. (In Russian)

BLARAMBERG I.F. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza* [Historical, Topographical, Statistical, Ethnographical, and Military Description of the Caucasus]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 353-434. (In Russian)

BOROV A.Kh., BERBEKOVA M.M. *Demograficheskaya modernizatsiya Kabardino-Balkarii: istoriya i sovremennye problem* [Demographic Modernization of Kabardino-Balkaria: History and Nowadays Problems]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No 2. – P. 72-104. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-72-104> (In Russian)

GLAVANI X. *Opisanie Cherkessii* [Description of Circassia]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 156-173. (In Russian)

INTERIANO G. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami* [Life and A Country of Zikhs, Called Circassians]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 43-52. (In Russian)

KLAPROTH H.J. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Trip Across the Caucasus and Georgia over 1807-1808]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 235-280. (In Russian)

LUKA G. *Opisanie perekopskikh i nogaiskikh tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Lyuka, monakha Dominikanskogo ordena. 1625* [Description of Perekop and Nogay Tatars, Circassians, Mingrels, and Georgians by Zhan de Luka, The Dominican Order Monk. 1625]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 68-72. (In Russian)

MARIGNI T. *Puteshestvie v Cherkessiyu* [A Trip to Circassia]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 291-321. (In Russian)

PALLAS P.-S. *Zametki o puteshestviyakh v yuzhnye namestnichestva Rossiiskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg.* [Notes About a Trip to Southern Provinces of the Russian Empire in 1793 and 1794]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 214-224. (In Russian)

PUSHKAREVA N.L., TEKUEVA M.A. *Proshloe opredelyaet nastoyashchee. O shestoi mezhdunarodnoi konferentsii RAIZhI* [The Past and The Future. On the 6th International Conference RAIZhI]. IN: *Rossiiskaya gendernaya istoriya s "Yuga" na "Zapad": proshloe opredelyaet nastoyashchee. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiiskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoi istorii (RAIZhI) i Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN* [Russian gender history from “South” to “West”: the past determines the present. Materials of the VI International Scientific Conference of the Russian Association of Researchers of Women's History (RAIZHI) and the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay RAS]. – Nalchik: KBGU, 2013. – P. 12-16. (In Russian)

SHAFIGULLINA Yu.V. *Sotsiokul'turnye osobennosti sovremennogo studenchestva* [Socio-Cultural Characteristics of Modern Studentship]. IN: *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*. – 2009. – No. 9. – P.149-154. (In Russian)

TAVERNIER J.-B. *Shest' puteshestvii v Turtsiyu, Persiyu i Indiyu v techenie soroka let...* [Six Journeys to Turkey, Persia, and India over forty years...]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 73-81. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Korporativnye muzhskie ob"edineniya na Kavkaze segodnya: ot ekstremal'nosti k ekstremizmu* [Corporate Male Unions in the Contemporary Caucasus: From Extremity to Extremism]. IN: *Muzhskoi sbornik. Vyp. 3. Muzhchina v ekstremal'noi situatsii / Sost. I.A. Morozov, otv. red. N.L. Pushkareva* [Men's research collection. Issue 3. A man in an extreme situation / Compiled by I.A. Morozov, executive editor N.L. Pushkareva]. – M.: Indrik, 2007. – P. 135-142. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Muzhskoi kharakter ekstremizma* [Male Aspect of Extremism]. IN: *Mir i politika*. – 2012. – No. 8. – P. 52-59. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Ritualy muzhskikh initsiatsii v traditsionnoi kul'ture adygov* [Male Initiation Rituals in Adyghe Traditional Culture]. IN: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. – 2006. – No 2(16). – P. 21-24. (In Russian)